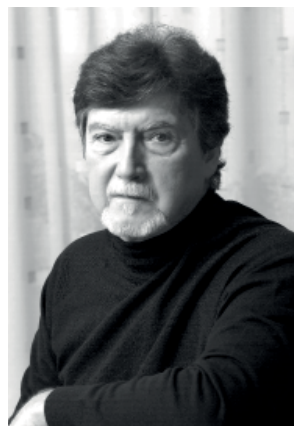

Олег Черницын

Олег Черницын – печатается на порталах «Православие.RU» и «Созвучие: литература и публицистика стран Содружеств», в литературно-публицистическом альманахе «Тобол». Победитель и дипломант ряда региональных конкурсов РФ и ближнего зарубежья. Третье место в конкурсе OEBF «Open Eurasian – 2016» (Открытая Евразия – 2016), Лондон.

МИКОЛКА

Рассказ

Моему брату и всем участникам специальной военной операции посвящается

Если бы не долгая звонкая трель, сложно было бы угадать в ясном, чистом небе пернатого вестника весны. Но тревожно было пение жаворонка. Не узнал он луга и поля – будто безжалостная оспа густо покрыла землю, изуродовав её. Не узнал он и соседний лес. Покалеченный, с частоколом чёрных, обугленных стволов он был жалок и даже страшен.

Случилась война, люди воевали с людьми...

Вот и сейчас по широкому междулесью бежал человек, вокруг которого со свистом падали мины. Человек валился в траву, полз, вновь бежал, пригнувшись к земле.

Отставной майор, добровольный участник специальной военной операции Игорь Черница возвращался с передовой. Задание было выполнено, и до своих оставалось совсем ничего, как был замечен нацистами, а тут уж как подобиет – без шумных, благопристойных «прóводов» не обошлось. И если бы не воронка на его пути, вряд ли майор встретил день завтрашний. Он бросился в спасительную яму, вжался в её влажное вязкое дно, закрыв голову руками. Земля содрогалась от близких разрывов мин. «Одна, вторая, третья...» Во вдруг наступившую тишину поверил не сразу. Приоткрыл глаза. Ждал, не поднимаясь. Тишина...

«Слава те, Господи! Опять уберёг – живой...»

Сколько раз он говорил это в Чечне, в других горячих точках, и вот повторяет здесь – под Харьковом... В висках поутихло. Игорь перевернулся на спину – воронка оказалась внушительных размеров, пригнувшись, можно было даже стоять, – и вдруг резко вскочил: в трёх шагах от него сидел на корточках человек. Исподлобья на Черницу смотрели воспалённые, с прищуром глаза.

Разглядев шеврон флага России, человек сжался, обхватив колени руками. Жёлтая повязка на рукаве его камуфляжа говорила сама за себя. Щелчок затвора – и ствол автомата майора нацелен на зажмурившегося бойца Вооружённых сил Украины.

– Руки в гору! Руки!!

Игорь ногой подтянул к себе валявшийся в сырости автомат – в магазине ни одного патрона, передёрнул затвор – пусто.

«Сосед» оказался парнишкой лет двадцати, с мягкими чертами запачканного бледного лица, юношеским золотистым пушком, вряд ли ещё знающим бритву, слегка припухлыми губами и рыжеватыми волосами, собранными в хвост. Парнишка этот был больше похож на церковного служку, чем на солдата.

– Не убивайте меня, дяденька! – не сводя глаз с чёрного нутра направленного на него ствола, громко всхлипнул он.

– Во как – и русским языком не брезгуем! Молодцá! А то ведь и по-украински побалакать можно, я не гордый! – ухмыльнулся майор. – Ну, здоровеньки булы, сосед негаданный! Отсиживаешься, значит? Расчесали вас наши?

Юноша кивнул, потупил взгляд:

– Начисто... Часа три ховаюсь. Нас пятнадцать было. Когда погнажи, сказали, что разведка боем. Вот – разведали... Кто где, не знаю. Живые ли? А кто жив да отступил, так тех точно заградотряд покосил. Вот и решил – поберегусь здесь до темна...

– Принято. Сам откуда? Служишь давно?

– С Полтавы я. На рынке схватили и сюда. Даже не обрили. А бой первый.

Обветренное, прихваченное первым весенним загаром лицо Черницы посерело, широкие брови сошлись над горбинкой переносицы.

– То-то вижу – магазин пустой. До последнего патрона расстрелял! С испуга, что ли? Все вы тут против своей воли – кого с улицы забрали, кого из бани!

– Честно, дяденька! Побожиться могу!

Парень поднял руку для крестного знамения, но, ойкнув, опустил её.

– Ранен?

– Шаркнуло малость. – Солдат прижал плечо рукой.

– Малость... Обработал? Перевязал? – серая тень сошла с на миг закаменевшего лица Игоря.

– Было бы чем. Экономят на нас. И вообще – чем больше тяжелораненых, тем лучше *им*.

– ?

– Так на органы тебя разберут, и не спросят! Потрошат, яки кур, – бизнес нынче такой...

Майор оголил рану – действительно лёгкая, пуля на вылет. Обезболивающий укол и жгут не понадобились, Игорь умело наложил повязку.

– Всё, делов-то. Жить будешь!

– Дякую.

– Пожалуйста! Нема за що!

Уголки потрескавшихся губ юноши шевельнулись в улыбке.

– Будем дома, наши девчата получше посмотрят, что к чему.

Слова Черницы шокировали парня.

– А вы разве меня не отпустите? – выговорил он, с мольбой глядя майору в глаза.

Черница усмехнулся:

– Всё, малой, отвоевался! Военнопленный ты нынче!

– Дяденька, а может быть?... У меня мама одна, дивчина засватана...

– Вот целее и будешь! Они мне за тебя ещё спасибо скажут! В отличие от вас мы пленным кости не ломаем и яйца не режем!

– Я не резал.

– Кто бы сомневался, все вы здесь шофера да повара! Лиха беда начало. Нет, сказал, и точка! По сумеркам и двинем.

Долго молчали. Насупившийся юноша старался не смотреть на майора, а, когда встречались взглядами, быстро отводил глаза.

– Тебя хоть как звать-величать, сосед?

– Микола, – не сразу откликнулся парень. – Як вас?

– Зови Игорем.

Черница помолчал, потом поинтересовался:

– А как мамка в детстве звала?

Сморщив лоб, Микола задумался на секунду-другую.

– Миколка, – юноша улыбнулся краешками глаз.

Далёкое завывание ракет прервало разговор.

– Ваши бьют. Град...

– Он самый, – кивнул Черница, вскользь отметив осведомлённость человека, только что попавшего на фронт. – Не завидую я кому-то сейчас...

– Храни Бог! – Микола кратко перекрестился кистью руки.

Помолчали.

– Игорь... – Юноша осёкся: – Дяденька, у вас пить е?

– Е.

Микола жадно отпил из фляжки, вытерся рукавом, размазав грязь по лицу.

– Во, чёртом больше! – усмехнулся Игорь. – «Вечера на хуторе близ Диканьки» читал? Гоголя.

– Нет, не читал. Он ваш письменник, не велено нам.

– Твою дивизию! Гоголь наш? В общем-то да – любим его, в школе изучаем, но писатель-то он украинский! Великий! Гордиться им нужно, а вы... Ну, ребята-демократы, довели до ручки свою неньку-Украину, ох довели!

Разгорячившись, Черница чуть не встал в полный рост.

– Ну скажи мне, кого вы кроме своих любимых Бандеры и Шухевича читаете?

– Они мне не любимые. И Зеленского с его шайкой не чтут! Наркоманы и воры!

– Ты это сейчас для меня балакаешь?

Юноша мотнул головой:

– Для чего мне врать вам?

– А такие фамилии известны тебе – Шевченко, Довженко, Патон?

Молчание.

– А Юрий Гагарин кто такой?

Микола встрепенулся:

– Знаю – первый в мире космонавт! Наш, украинец!

– Да уж, слышал я про такую ересь, почему и спросил. И вертолёт вы придумали, и парашют изобрели... Словом, дурдом – не страна! Ещё в Европу хотите – «Украина це Европа!». Лечить вас надо...

Недобрые искорки сверкнули в глазах Микола, нахохлившись, он присел на корточки.

– Да ты не бычься, дурят вас по-чёрному! Запад с Америкой верхи ваши, а те вас – народ. Чего добились после Майдана?

– Украина – ридна мати моя, и я кохаю её!

– Так и я люблю её! И все мы, русские, любим её! Иначе и не стали бы очищать от грязи!

Майор перевёл дыхание:

– А ведь сказать – и я украинец. Все мои дедушки-бабушки из Украины. Кто из Днепропетровска, кто из Николая, кто из Херсона – во как! В тридцатые годы переехали на Урал, в Нижний Тагил, завод строить, там и обосновались, корни пустили. Так-то, хлопчик!

Хлопчик слушал, нервно надламывая ногти на руках.

– Так, может, тогда вдвоём?.. – И, не сводя глаз с «земляка», он еле заметно шевельнул подбородком в сторону «своих».

Игоря передёрнуло:

– Ну вы точно больные на всю голову!

Отставник нахмурился:

– И что же такого плохого мы вам сделали, что вы так ненавидите нас, Россию?..

Ответ не последовал, но по виду украинского солдата он был очевиден: «А что хорошего?»

Сколько-то молчали, дожидаясь темноты. Солнце нехотя спускалось к дальнему лесу, золотя его верхушки.

Черница расстегнул камуфляж, размялся:

– Подвигайся, ноги затекут – не дойдём.

– А покушать у вас е?

Игорь вспомнил про остатки галет.

– Таки е, запаса трохи для себе. – Майор улыбнулся. – Вы же только свинцом да железом потчуете.

Микола с жадностью проглотил несколько раскрошившихся армейских хлебцов, попросил запить. «Наш бы поделился...»

Вдруг пленный вздрогнул и засмеялся тихонько, указывая поверх майоровой головы. Черница щёлкнул предохранителем, и ствол автомата чуть не коснулся непрошеного гостя: с гребня воронки смотрели бусинки-глаза серого зверька. Не без опаски, вытянув шейку и поджав лапки, пушистик часто втягивал воздух мокрым носом-кнопкой.

– Ховрак, суслик по-нашему.

– На хлебный запах пожаловал. А угостить-то тебя, маленький, и нечем, так что прости нас, дружок.

Дружок, поняв, что теряет время зря, так же проворно исчез, как и появился.

- К своим побиг.
- Да уж, у каждого свои свои...

Молчали, изредка поглядывая друг на друга. Когда взгляды встречались, юноша первым приветливо улыбался Игорю.

- А хотите, я вам заспиваю? Мама пела мне в детстве – колыбельную.
- Спой, конечно, почему нет.

Ой, ходить сон коло вікон,
А дрімота – коло плота,
Питається сон дрімоти:
Де ми будем ночувати?

Голос у Микола оказался приятный, грудной. Переведя дыхание, продолжил:

Де хатонька теплесенька,
Де дитина малесенька,
Там ми будем ночувати,
І дитинку колисати.

Слёзы блеснули в уголках его закрытых глаз.

* * *

Солнцу бы к концу дня утомониться, поостыть, да где там – вошло в раж, разгорячилось! Черница распахнул куртку, сладко зажмурился, подставил лицо жарким лучам. Липкие струйки пота затекали под одежду, щекотали крепкое тело.

«Скинуть бы всю эту амуницию, позагорать всласть... Весенний-то загар – он самый цепкий, красивый. Скоро и к нам на Урал придёт тепло, соскучился народ по нему, ждёт погожие денёчки. Снег растает, зелень пробьётся – благодать... Глядишь, и июнь – отпуск. Как своих пацанов здесь оставлю? Но и по дому дела накопились. А в сад-огород уеду – перво-наперво банька! Заскучала без дела, меня дожидается. Растоплю её, милую, докрасна, не обидится! И кваском на топку, кваском! – Игорь незаметно для себя проваливался в сладкое забвение, сдавался охотно и не сопротивляясь. – Напарюсь, рухну на полок, продышусь берёзовым да хлебным духом, и лети моя душа хоть на седьмое небо! И ничего-то тебе больше не нужно, и всё другое где-то далеко, и есть ли вообще... А Микола зачем здесь? Точно – он. Крадётся... и оскал какой-то звериный, клыки...»

Майор выбил нож из занесённой над ним руки, пинком свалил юнца на землю. Тот взвыл – не то от боли, не то от отчаяния.

Что-то опять не дало Игорю выстрелить.

– Ну ты и сучёнок! Дяденька, говоришь? Племянничек херов! Тварь неблагодарная! Ужиком заделался, гадюка! Точно говорят: «Есть украинцы, а есть и хохлы!» Вот ты-то и есть хохол! Самый настоящий хо-хол!

– А мы для вас все хохлы!

– Не ври! Не все! Те, кто георгиевскую ленточку надеть не боятся, кого вы в Одессе заживо сожгли, хохлами не были! На рынке его схватили! Спектакль тут устроил, песенки жалостливые заспивает!

– Ну и да, ну и так – сам я в ВСУ пошёл! Ненавижу вас, москалей! Русня поганая! Все беды от вас! Трутни! Жили за счёт Украины и ещё хотите! Выкусите!!

Кукиш влетел в лицо майора.

– Мы жили? Волки вы ненасытные! Да мы...

Микола не дал договорить, его прорвало. Стоя на четвереньках в натопанной грязи, смачно плюнул в Черницу.

– Брата моего старшего в Дебальцево убили! Шурина без ног оставили! Оккупанты!

– А кто звал их на Донбасс?! Кто привёл?! Порошенко ваш, Петро Олексійович! Советнички ваши дорогие, кураторы! Получили по мордам и ещё получите! А на счёт оккупантов – так был бы я оккупантом, давно бы уже спал с твоей дивчиной!

– Посмотрим ещё, кто кого! За всё ответите, на гиляку всех вас!

– Встать! – крик майора оборвал истерику. Розовый старый шрам, рассекающий его щеку, побагровел, на щетинистых скулах заиграли вздувшиеся желваки. – Встать!!

Юнец затих, по-черепаши втянул голову, спина его часто, нервно вздрагивала.

– Не стреляйте! Не убивайте меня, дяденька!! – взвыл он по-бабьи, в голос, сжавшись в ожидании выстрела. Повисшая тишина давила голову. Казалось, было слышно, как над далёким горизонтом собирались низкие хмурые облака, угрожающие мощным, словно морским, валом пройти над землёй.

– Обоссался, герой?

– Набрехал я всё, набрехал! Похорохориться хотел, дурак! Век за вас буду Бога молить!

Русский майор с отвращением смотрел на «героя». Сталь курка автомата холодила напрягшийся палец.

– А ну-ка, вали отсюда, гадёныш...

Парень с недоверием, снизу вверх глядел на Игоря.

– Оглух, что ли? Геть отсюда! Свободен!

Не веря услышанному, Микола медленно поднялся. Как собака, ожидавшая пинка, смотрел на майора – жалкий, грязный, в обмоченных штанах...

* * *

Оставшись один, Игорь ясно осознал, что только что был на волоске от смерти. Не в бою, где смерть воспринимается как явление очевидное и осознанное, а здесь, в этой воронке, в этой сырой яме – бестолково и бесполезно.

«Расслабились вы, товарищ майор, бдительность потеряли! Развели “дяденьку”, как зелёного новобранца развели! На жалость взяли профессионала-спецназовца! Пацанам рассказать – не поверят! Точно говорят – и на старуху бывает проруха...»

В горле сушь. Черница встряхнул фляжку. «Всё выпил, змеёныш...»

Смеркалось. В помощь ночи с трудом оторвавшиеся от горизонта тяжёлые облака взяли в оборот вечернее солнце. Но оно не было в обиде – посветило всласть! – и уходило с надеждой на новый яркий день, туда, где за дальней далью, возможно, был мир и люди не воюют с людьми...

«И мне пора...»

Мягкая, по-весеннему свежая трава приняла, прикрыла Игоря. Где короткими перебежками, где ползком он продвигался в сторону леса, к своим, не зная, что его недавний «сосед», доброволец Микола, лежит в десяти метрах от их случайного укрытия – снайпер сделал свою работу. На войне как на войне...

* * *

Если бы не долгая звонкая трель, сложно было бы угадать в ясном, чистом небе пернатого вестника весны. У него была своя жизнь, свои заботы – в гнезде ждали корм ещё слепые, покрытые пухом птенцы...

